

The illustration depicts a woman with long, light-colored, wavy hair, wearing a long, purple, button-up robe. She stands in a dark, atmospheric setting with gnarled trees and a traditional building in the background. The lighting is dramatic, with warm orange and red tones contrasting with the deep blues and purples of the scene. The overall mood is mysterious and slightly ominous.

Змей

Николай Вязерский

16+

Николай Вязерский

Змей

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вязерский Н.

Змей / Н. Вязерский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Страх окутывает глухие деревни. Даже говорить об это вслух не решаются. А беда все ближе. Все чаще горят дома и гибнут люди. Проклятье одного человека становится горем для всех, на многие поколения. Но люди продолжают сами звать беду в свой дом, и беда приходит. Она приходит в облики умерших, но так желанных людей, по которым тоскуют близкие, обезумевшие от горя люди. Так гласила старая легенда. Но легенда ли это?

Содержание

Змей	5
От автора	6
Глава 1	7
Подслушал	7
Сказка	11
Глава 2	14
Вымоленный	14
Морячок	15
На могиле	16
Мама, я вернулся.	18
Глава 3	21
Обещанный	21
Старик	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Вязерский

Змей

Змей

Часть 1

«Некоторым желаниям лучше не сбываться»

От автора

Очень странно прозвучит, но я всегда знал эту историю, хотя мне ее и не рассказывали. Я ее слышал отрывками от своего отца, матери, их братьев и сестер, когда они собирались вместе на какой-то праздник, и после выпитого за столом или выходя покурить, рассказывали разные истории из своей деревенской жизни. И только спустя годы я понял, что все эти истории связаны и прошли сквозь года и события, оставив что-то недосказанное.

Я постараюсь описать эти события так, как по моему мнению они развивались, с того момента, с которого мне стало о них известно, хотя началось это гораздо раньше. Возможно, что-то дорисовало мое детское воображение, возможно так и было, не возьмусь судить и отстаивать. Только иногда буду прерывать и комментировать события, потому что описывать их я постараюсь теми словами и тем языком, которыми их когда-то пересказывали за широким столом, и которые могут быть не всем понятны в наше время. Я опущу все то, что на мой взгляд, хоть и интересно, но не относится напрямую к сути. И поэтому буду пропускать года и возможно десятилетия, иначе получится просто огромный рассказ, который, впрочем, может быть я когда-то и напишу.

Ну не буду утомлять вас пустыми разглагольствованиями. Начнем рассказ в далекой деревне, в середине прошлого столетия, когда электричество еще не во все уголки огромного Союза дошло (впрочем, в эту деревню его уже подвели, хотя большую часть времени его и не было).

Да и деревню даже называть не буду, потому что уже давно ее нет. Формально ее не стало, так как не перспективная. А на самом деле...

Да и странно, что через каких то 20 лет, после того как ее покинули жители, на ее месте нельзя было найти и следов, все заросло, покрылось не пролазанным лесом. И только старое кладбище, тоже все заросшее, напоминало своими размерами о том, что когда-то где-то рядом была большая деревня и может даже не одна. Ну об этом позже. А сейчас, давайте начнем...

Глава 1

Подслушал

Когда я был совсем еще маленький, в этом возрасте еще положено спать днем, я любил просыпаться днем под тихий разговор моей матери. Мы тогда летом приезжали в гости в родное село. Она тихим голосом разговаривала с «Нянькой», пожилой уже женщиной, которая когда-то воспитывала ее и еще пол деревни детей, пока родители были в поле или еще на каких колхозных работах. Та, полшепотом пересказывала ей все новости, которые произошли за год, пока они не виделись. И было в этом что-то спокойное и убаюкивающее, много из моих рассказов я тогда и подслушал. Вряд ли бы они рассказывали все это при ребенке. Так и наш герой, с которого я сейчас начну рассказ, проснулся ночью и услышал то, что ему не предназначалось.

Проснулся Володя от шёпота в передней избе, двустворчатая дверь была закрыта не плотно и в ночной тишине было слышно, как тяжело дышит мать. Володе почему-то показалась, что она только что от куда-то вернулась. В избе стоял какой-то странный запах, как будто печь давала угар, но печь сегодня не топили.

Ее шепот был уставший с надрывом, она часто прерывалась, как будто ей не хватало воздуха.

– Ведь семь домов пожёт, у Шурки то девять детей, у Паньки пятеро было. Всех пожег. Да ведь знала ведь, и не уберегла.

– Попей, попей, – голос отца был непривычно тревожный – ты приляг, может принести еще что

Но мать как будто не с ним разговаривала

– Ведь я же ее предупреждала, накличешь беду, не зови его, не зови. Она как на могиле заголосила, приходи да забери нас с собой, я так и поняла, беда будет. А он то, силищу набрал, я такого и не помню, да и не было такого раньше. Каждый раз все больше и больше забирает, следующий раз и не знаю, как быть, ой горе, горе. Силищу то набрал, – голос становился еще тише, даже како-то чужой и незнакомый.

– Наташ, давай уедем. Мед продали, скотину в колхоз сдадим, дом тоже колхоз выкупит, пасеку, и уедем, подальше. Дом купим и забудем.

– Куда уедем, он так следующий раз всю деревню пожёт, а то и не одну.

– Так сама говоришь, силищу набрал, да и не к нам он идет, а раз зовут, то сами дураки. Уедем, пока к нам горе не пришло, ведь не бабье это дело.. – но он не договорил – плохо? Совсем плохо? Ты ложись, ложись? – голос его дрожал – Спи, я рядом посижу.

Все затихло. Володя дрожал под стеганным одеялом, как бывает при сильной простуде. Он не понял, о чем говорили родители, но точно знал, что о чем то очень плохом. И как бывает в такие минуты в детстве, когда что-то плохое уже случилось, он очень быстро уснул.

Утром Мать не вышла и не приготовила завтрак, отец плотно закрыл дверь в переднюю и запретил туда входить и вообще шуметь в доме.

– Мать заболела. Завтракайте, что на столе. И вон на улицу, обедать к бабке идите. Чтоб до вечера духу вашего тут не было.

Маленькая Галя вроде хотела расплакаться, но глядя на отца не решилась, он своим взглядом пугал так, что и плакать передумашь. Хотя и был невысокого роста, но плотный, коренастый. Взгляд твердый и уверенный. Он прошел войну, даже три. Начал еще с Финской и закончил в Японии, поэтому спрашивать с него особой ласки никто не мог. Но уж к детям

своим он мог быть и помягче. Да только жизнь деревенская не про то. Но сегодня он был особенно угрюмым и даже злым. Можно было и вожжами по спине получить, бывало уже такое.

Ребятишки поели, что было на столе: картошка, лук и квас и молча разбежались по своим делам.

Было воскресенье и старшим не нужно было в школу. Средний, Сашка, повел Гальку к бабке. Бабка, мать отца, была баба суровая и одинокая, дед помер еще до войны, дети выросли и своим хозяйством обзавелись. Так что жила она в большом доме, в четыре комнаты, одна. Сама хозяйство вела, и немалое, помощи не просила, еще и сама помогала, но не бездельникам, пьяницам деревенским, а тем, кому и вправду нужнее, у кого голодных ртов полон дом, а то и вдовым. Но благодарности не любила, могла и сгрубить. Она и детей в строгости воспитывала. Пятерых мужиков на ноги поставила и сейчас им спуску не давала. Но уж очень она любила Галю, одна у нее внученька, а остальных, мальчишечьего роду, как она их называла, к себе не допускала, хотя особо и не ругала. Только Сашка и мог с ней уживаться. Ему и досталось вести Галю и сообщить, что обедать все придут к ней, так как мать болеет, и так сказал отец.

Эту сноху бабка особенно невлюбила. Она даже была против этой свадьбы. Когда сын вернулся с войны и привез с собой невесту в форме лейтенанта медицинской службы, хотела запретить жениться, да потом смирилась, живут ведь уже, как не жениться?

Забегая вперед, скажу, что Баба Шура в этот раз встретила их всех очень как-то ласково и даже пирогов напекла. Галя так вообще с коленей не слезила. А мальчишкам еще и жженого сахара сделала.

Старший, Лешка, раздал задания, и ушел по своим делам. Мальчик он был деловитый, стройный, с высоким лбом и зачесанными назад, по моде, волосами. Учился на отлично и всегда был лидером во всем, одно слово – старший.

А вот Володя и не знал, чем заняться. Нет, задание он получил. Убрать коровник, накормить поросят и кур, гусей на пруд выгнать, телка на поле отвести, ну в общем то, что он и всегда делал. А потом? Ну да ладно, это потом.

Коровник, добротный сарай, был пристроен с задней стороны дома, крепкого пятистенка, в четыре больших окна по лицевую сторону с резными, выкрашенными белой краской наличниками, большими тесовыми воротами во двор. Хозяйство было большое. Кроме коровы были и поросята, и овцы, и гуси с курами, и даже лошадь. Но особая гордость хозяина – пасека в 100 ульев. Жили сытно, но и работать приходилось всем несмотря на возраст. Особенно с весны до зимы. И пахали, и сажали. А сколько сена нужно заготовить на всю зиму, а дров. Летом в поле да в лесу просто съедали всякие овода да слепни, а попробуй откажись. Да и не отказывался никто, зимой сытнее будет. Но скоро уже зима, а там отдыхай не хочу. Двор убрал, всех накормил, снег откидал, воды натаскал, дров принес, уроки сделал, да и лежи на печи.

Володя привычно сделал всю работу по хозяйству, и уже хотел пойти на пруд проведать гусей. Пруд был за огородом в сторону леса и, хотя гусей и сторожила большая и лохматая собака Найда, а бывало и таскала лиса гусей. И отец за это мог и выпороть. Но тут на двор, в большую дверь, справа от ворот ввалились человек семь мальчишек разного возраста от пяти до двенадцати, а то и четырнадцати лет. Пестрая толпа, одетая во что не жалко, шумела и галдела как воронье на ветле.

– Вовка, Сашка где? – выкрикнул тот, что стоял впереди всех, рыжий, лет восьми, худющий мальчишка. Он хоть был и не самый старший в компании, но был заводила. Всегда найдет чем заняться, хотя частенько от родителей и получал за эти занятия. Не всем нравилось, когда за ними в бане подглядывали или траву за сараем жгли, вместе с сараем. Но Колька не унывал. Одет он был в истрёпанные серые штаны, калоши на шерстные носки (видимо очень большие) и какое-то пальто или шинель, неизвестно с чьего плеча.

– К бабке Гальку повел, а тебе что? – Володя это сказал с видом хозяина дома и даже весь выпрямился и выпятил худую грудь вперед.

– В Колятовку с нами пойдешь, там вчера 7 домов сгорело, поглядим? – не меня тона выкрикнул Колька.

Володя никогда не был на пожаре, да и дела он свои доделал. Опять же отец сказал не появляться до вечера дома. И не далеко до Колятовки, километров пять через огороды. В общем оснований для отказа не нашлось.

– Пойду, сейчас только переоденусь.

– Догоняй – толпа уже с шумом отходила от дома, поднимая по улице собачий лай.

Володя быстро передел резиновые сапоги на ботинки, которые ему достались от Сашки, а тому от Лешки, скинул халат и одел пальто, которое прошло тот же путь, и выбежал на проулок. Ребяшня ушла не далеко, но собрание разрослось, видимо кто-то еще примкнул.

Когда подходили к Колятовке их было уже человек десять, а то и больше. На пожарище шли смотреть как на представление. Какие развлечения в деревне? Кино раз в неделю из города привозят, да на него еще деньги нужны, да и не пускали ребятню туда. Ворон гонять и собак дразнить, что еще остается? Вот и искали занятие себе сами. Летом по садам лазили, да на рыбалку ходили, а зимой с горки в овраг на санях катались, да крепости строили. Без дела не сидели, домой не загонишь.

Деревенька эта была маленькая и небогатая, всего домов сто. Стояла на берегу речушки, которая в самом широком месте была метра три, которую и звали Колятовка.

Еще подходя к деревне, послышался какой-то шум, гам и запах гари. Володя вспомнил ночной запах, вот чем пахло, видимо ветром затянуло, подумал он.

Остановившись на краю деревни, на холме, шумная компания как-то приостановилась и разом замолчала. Всю дорогу они говорили, шумели и даже смеялись, а тут как оглушило.

Семь дворов с краю села были полностью сожжены, вместе со всем скарбом, сараями, и всеми постройками. Остались только бани, кое где, у кого были, потому что построены были за огородами, метров сто от домов. Но дворы сгорели как-то странно – догла. Не остатков стен, не крыш, даже печи обвалились. Володя не видел раньше пожарищ, но спроси его кто сейчас, и, если бы он не знал, что пожар был вчера, сказал бы что сгорело уже давно и завалы уже растащили. Но горело вчера в ночь, и только сейчас на пепелищах ходили мужики и бабы, охали и вопили, что-то откапывая в золе.

Из деревни доносились отрывки бабьего воя и причитания:

– Ведь и выйти не успели, все погорели, – голос тонкий, громкий и тягучий, как на похоронах.

– А и детки малые, и старики, и бабы, – подхватывал второй голос.

– Хватит выть, уйди с глаз, снова беду накличешь! – это рявкнул мужик с рыжей бородой, в чудной высокой шапке, в солдатских галифе, и с какой-то жердью в руках. Этой жердью он пытался поднять половицы сгоревшего дома. Что он там рассчитывал найти? Вой тут же прекратился.

Чуть по дальше, во втором или третьем дворе видно было попа, он что-то пел и махал кадиллом, слов не было слышно, только мелодия доносилось, низкая и угрюмая. А рядом с ним, с двух сторон, двое мальчишек с иконами ходили неотступно.

Ребята решили подойти ближе и начали было спускаться со своего наблюдательного пункта, но рыжий мужик увидел их, замахал руками и закричал.

– Убирайтесь отсюда, пришли зенки тарашить, без вас людям горя мало. А ну как выпорю! – И для остротки поднял над головой жердь, как будто готовился броситься с ней на спускающуюся с холма ораву.

Он даже припустил бежать в их сторону, но остановился, увидев, что ватага остановилась, со злостью бросил жердь на землю, развернулся и пошел назад, опустив плечи и мотая головой.

Колька, который в другой раз бы обязательно связался бы с мужиком, и скорее всего получил бы от него, или потом дома, от своих, в этот раз был мрачен, повернулся и коротко сказал:

– Домой пошли, нечего тут.

Обратно шли молча, никто не шутил и не смеялся. Долго еще слышались бабьи причитания и пение попа. Уже у самой деревни одна из увязавшихся девчонок, чья-то сестра лет семи, шмыгая носом пробормотала:

– Змей пожег.

– Молчи дура, – зашикали со всех сторон, как будто она сказала что-то, что все знали, но сказать боялись, а она вот ляпнула, сама не понимая того, и теперь всем за нее влетит.

– Что молчи, вчера там похороны были, вот он и пожег, – не унимался писклявый голосок.

– Замолчи тебе говорят, не кликай беду, не поминай его – даже злость в голосе появилась, злость и страх. Дети часто слышат больше, чем им положено, а потом стараются похвастаться услышанным, вот мы какие, маленькие, а тоже что знаем. Это потом, с возрастом понимают, что иногда промолчать лучше, чем сказать, а некоторые вообще предпочитают ничего не знать, так даже спокойнее.

Вошли в деревню и как-то не сговариваясь, молча разошлись по своим дворам. Нагулялись на сегодня.

Володя тащился за Колькой, ему нужно было к бабке обедать, и им было по пути. Он все думал о том, что там этот рыжий искал в подполе? Может кто спрятаться успел? А что, залез в подпол, огонь сверху, переждал и вылезай. Так ему тогда казалось. И страха никакого он не ощущал. Только грустно как-то было. Горе всё-таки, это и он уже понять мог.

– Ты в школу-то что не пошел, шесть ведь уже есть? – как-то вдруг спросил Колька, больше для того, чтобы не молчать. Они уже минут пять шли вдвоем в гору, мимо высоких, рубленых из отборного леса домов, мимо тесаных заборов и ворот.

– Отец сказал рано, в семь пойду.

– Им понятно рано, урожай подоспел, убирать надо, а ты в школу, а хотя и тоже правильно, успеешь еще. Я смотрю ты не из трусов, давай дружить. – И протянул руку.

Володя протянул свою в ответ. Вот это рукопожатие и связала двух ребят разного возраста дружбой до самой армии. Много они еще потом почудили.

Обед у бабки я пропущу, скажу еще раз только, что такой ее редко кто видел, а может и никогда. И наготовила много и ласковая, насколько могла, была. И просидели все у нее до вечера. Кроме Лешки, у него свои дела. А когда уходили, она с собой пирогов завернула и курицу, и бульона куриного для матери налила. И смотрела так жалостливо, чуть не плакала. А когда дети уже вышли в проулок и пошли к себе, все смотрела им в след и вдруг начала крестить и так неистов, упала на колени и молится начала, но этого никто уже не видел. Дети сытые и с гостинцами спешили домой.

Домой пришли когда уже смеркалось. Отца и Лешки еще не было, все сели за стол. Дверь в переднюю была плотно закрыта.

Пироги и курицу не разворачивали, и бульон матери занести побоялись, а ну как отец узнает. Сидели молча, пока не начало окончательно темнеть. Свет даже не думали включать.

Вначале пришел Лешка. Он всегда, приходил раньше отца, но буквально на немного. Так и в этот раз, вошел, скинул пальто, повесил за дверь на вешалку, подошел к ведру с водой, которое еще утром принес Володя, зачерпнул ковшом воду, и в это время на дворе послышался шум открывающихся ворот, и въезжающей телеги. Старшие кинулись на двор распрягать, а Володя зажег лучину и стал накрывать на стол. Галя ему помогала, как она думала, а на самом деле мешалась под ногами, и он постоянно ее отгонял.

Отец вошёл молча, прошел в переднюю и снова плотно затворил дверь. Галя, залезла на большой сундук, стоявший под окном, и косилась оттуда на закрытые двери, и уже давно

бы разрыдалась, но боялась отца. Он вышел через минут десять, злой и угрюмый. Мальчишки вернулись со двора громко о чем-то споря, но увидев отца замолчали и расселись по своим местам за стол.

– Лошадь напоили? Зерна дали?

– Да, да, – хором ответили.

– Есть и спать. – вот и поспорь тут.

Ели молча и быстро. Обычно могли за столом расшуметься, рассмеяться и тогда, если не слушались с первого слова, отец мог дать по лбу деревянной ложкой. Очень больно и всем без разбору. Один раз даже ложку сломал о чей-то лоб. Потом, когда повзрослели, все говори, что о его. Ну кроме Гали, конечно, ее не обижали. Но сегодня ели молча. Большая тарелка с картошкой, оставшейся еще с утра, хоть и была холодная, но с курицей, которую завернула бабушка, и которая начинала уже «замерзать» и покрываться холодцом, было очень вкусно.

Отец доел, взял бульон и ушел в переднюю. Но быстро вышел обратно, прошел на двор.

– Спать, – добавил выходя.

Ему еще нужно было подоить корову, которая вернулась вместе с деревенским стадом и уже мычала на дворе, мучаясь полным от молока выменем. Да и много еще чего нужно было сделать по хозяйству, а может просто хотелось побыть одному.

Дети быстро управились с делами. Посуду помыли на дворе из-под рукомойника, остатки еды прибрали, покормили Найду, которая уже была в будке на дворе, ее вместе с гусями привел Лешка, и быстро улеглись по своим местам. Лешка задул лучину и лег последним. На улице уже стемнело.

Но вот уснуть быстро не получалось.

Сказка

Ранняя осень, еще теплая и сухая, но темнеет уже рано, да и вообще в этих краях темнеет как-то быстро и сразу. Вроде бы еще только было светло, и вдруг солнце опустилось за лес и уже темно. Хорошо еще если луна и небо чистое. Звезд много, и они как-то близко, да и луна огромная. А когда пасмурно, полный мрак.

Вот в такой хмурый вечер, уже даже ночь, по деревенским меркам и должен был случиться, по-моему, этот разговор.

В задней избе большого деревенского дома там, где была печка, и большой стол, за которым только что они и ужинали, сидя на строганых лавках, было совсем уже темно. Там была лампочка, электричество в деревню провели этим летом, но вот уже неделю света не было, да и электрика в деревне не было, поэтому никто и не знал, что случилось. Авария, так председатель обычно говорил. Да и если бы даже и был свет, все равно бы его не включили, берегли. И если отец сказал спать, то спорить с ним никто не станет.

В темноте громко тикали часы, их не было видно, но очень даже было слышно. Два окна, выходящие на соседний дом и задернутые шторами, даже нельзя было различить на стене, никакого света от них не исходило. Но зато с улицы доносились звуки деревни: лай собак, скрипы и бряканье ворот, деревня еще не спала.

Большая русская печь занимала большую часть комнаты, а ее самая большая сторона выходила в переднюю избу, которую занимали родители. Она и обогреет, и накормит, а раньше в ней еще и мылись. Но теперь у них своя банька была, три года назад срубили.

На печи разместились три сына, старшему Лешке было около десяти, а младшему, Володе, как мы уже знаем, только шесть стукнуло. Ну а среднему, Сашке, так и было по средине, восемь с небольшим. А внизу, на широком сундуке было постелено Гале, ей еще и пяти не было, и для нее это была просторная постель. Правда иногда ночью она бывало и свалится со своего ложа, поэтому на ночь к сундуку придвигали лавочку, не так высоко будет падать.

Отец еще не вернулся со двора, и все лежали молча.

Галя на своем сундуке ворочалась и явно хотела поплакать, но вместо этого жалобным голосом спросила:

– Леша, Леш, а расскажи сказку.

– Какую еще сказку, спи давай.

– Ну Леша – протянул детский голосок снизу.

– Леш, а расскажи про змея, ты же знаешь, ты же все знаешь – вдруг неожиданно, даже для себя выдал Володя и мурашки пробежали по всему телу.

Лешка в другой раз обругал бы всех, но видимо подействовала обстановка, да и льстило ему, что его считают за всезнающего, а понаслышался он за сегодняшний день предостаточно, было что рассказать.

– Ладно – начал он полупшепотом – только никому не пересказывать, а тебе Галька не реветь.

– Не буду, не буду – раздалось снизу.

– Это уже давно так завелось, под мостками, там где семь родников, живет змей с тремя головами. – нарочно изменив голос на более, как ему показалось подходящий и таинственный, начал рассказчик.

– Змей Горыныч? – послышалось снизу.

– Какой еще Горыныч, тот из сказки, а этот настоящий, только не видел его никто, не сдерживая голоса огрызнулся Лешка, со злости, что его перебивают.

– А откуда тогда знают? – Сашка тоже вклинился. Он всегда был за справедливость. Если никто не видел, откуда тогда знают?

– Будете перебивать, не буду рассказывать. Кто-то видел, да уже не расскажет, а вот теперь все друг другу пересказывают. В общем Змей тот спит под мостками, никто не знает под каким, а вот когда умирает кто, и по нему, по покойнику, тосковать начинают он и просыпается. И если тот кто тоскует начинает покойника обратно звать, ну знаете как бабы обычно вопят, На кого ты нас покинул, да вернись, ну и так далее, так вот Змей то оборачивается покойником и к дому тому идет, только в дом не заходит, а на улице стоит и ждет, когда его в дом позовут, руки протягивает, просится. Если не позовут, так он на заре и рассыпится на много змеек и уползет к себе, под мостки, спать до следующего раза будет. А если выйдут и позовут, то он в дом войдет, в змея обернется и пожрёт всех и дом сожжёт, а то и несколько, пока не насытится, а потом к себе улетает.

– А он что, еще и летает? – тоненький голосок дрожал со своего сундука.

– Ну не улетит, так уползет! – огрызнулся рассказчик.

У всех мурашки побежали по телу, а Володю вообще колотило, но он сдерживался, было темно и страшно, Галя внизу уже всхлипывала.

– Леша, это змей в Колетовке дома пожег? Там ведь и похороны были до этого. Говорят семь дворов сгорело с хозяевами. Мы сегодня бегали туда с Колькой, подчистую сгорело, зола одна.

Галя снизу всхлипывала сильнее. И вдруг в голос завопила:

– Хватит, страшно, мама – нараспев послышалось снизу.

– Тихо, мать разбудишь.

– Отец услышит – зашикали на сестру с печки.

Но дверь в переднюю уже открылась, на фоне темного дверного проема виднелась женская фигура с распущенными волосами и в длинной белой ночной рубашке. Разобрать черты было невозможно. В комнате стало заметно холоднее.

– Мама, они про Змея рассказывают, мне страшно, скажи им, пусть не рассказывают. – всхлипывала перепуганная девочка, ища защиту у матери.

– Вы что удумали, нечистую к ночи поминать – голос был слабый и даже не знакомый, какой-то состарившийся, но это была мама, все почувствовали какое-то ощущение спокойствия. Животный страх, который накатил на детей ночной сказкой, вдруг рассеялся.

– Не бойся Галя, змей сам боится, чистых сердцем боится. А приходит только, когда мертвых зовут. Не нужно мертвых звать, раз померли, значит нужно так. Но ты не бойся, к нам не придет. Спи спокойно, я рядом, и не отдам тебя никому, вас всех не отдам. Вот молитву почитай на ночь и спи. И она прочла молитву:

Ложусь я спать на свою кровать,

Ангел в ногах,

Господь в головах.

Господи!

Дай мне утром проснуться,

Во сне ночью не задохнуться,

В здравии лечь на кровать

И какую лечь, такую и встать.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Ныне, присно, во веки веков.

Она задыхалась, сидя уже на сундуке рядом с Галей и глядя ее по волосам. Голос слабел с каждой минутой. Но она продолжила говорить. А тонкий голосок повторял молитву.

– Змей этот не сам по себе, им всегда кто-то управляет, колдун или ведьма. Иначе... – И тут в комнату вошел отец.

– Ты зачем встала, разбудили антихристы, вот я вам вожжей.

Он в одно движение подскочил к Матери, поднял ее на руки и унес в переднюю. Вернулся, затворил дверь и до утра не выходил. Дети больше не разговаривали, и скоро уснули.

Так и должно быть в детстве, какое бы не было сильное впечатление, засыпается быстро и все стирается из памяти, но потом может и всплыть и будет когда-то рассказано, кем-то услышано и записано. А может и нет.

Мать поднялась через неделю, скоро окрепла, но стала выглядеть много старше своего возраста. Как будто за неделю лет десять прожила. Появилась явная седина и морщины расплзлись от уголков глаз. Но этого как будто никто не замечал, делали вид, что не замечают.

Глава 2

Вымоленный

Много с той ночи времени прошло, четырнадцать лет. Не буду пересказывать всего что было и хорошего, и плохого. Лешка уже отслужил в армии, в Германии, и вернувшись, как не глупого и достойного человека его выбрали председателем колхоза. Молодой да с головой, так про него и говорили. Сашка тоже отслужил, уходил сморчок сморчком, даже из-за роста брать не хотели, а вернулся рослым, крепким, только вот беспутным, особенно под градусом, а выпивал он часто, молодость. Галя уже в девках ходила, стройная и видная, только отец всех женихов отваживал, да и гулять вечерами не пускал. Да может и правильно, восемнадцать еще не исполнилось.

Опустим то, что Володя с Колей лучшими друзьями стали и оба сейчас в армии служили. Коля на флоте, целых три года. Володя два. Но из-за разницы в возрасте вернуться должны были почти одновременно, весной.

Служилось Володе не плохо. Он до армии отучился на электрика, поэтому и попал в связь. Характером был покладистый, с командирами не спорил, ефрейтора получил, потом младшего сержанта. Да вот после года службы на одном из учений, вертолет на котором летела десантная группа, в состав которой был прикреплен Володя в качестве связиста, разбился. Погибла командир взвода связи, в котором служил Володя. Молодая совсем девчонка в звании лейтенанта. Погиб экипаж и два десантника. А вот Володя выжил. Был тяжело ранен, были поломаны ребра, повреждены легкие и ноги. Но выжил. И еще долго потом вспоминал, а может в бреду ему привиделось. Как вертушка начинает ходить и трястись. Как Женя, молодая девчонка, бросается открывать сдвижную дверь вертолета и ее выбрасывает из болтающейся машины, которая уже цепляет верхушки елей. Потом падение, адская боль и крики. Как он выбирался из вертолета и тащил за собой кого-то он и не помнил, это ему потом рассказывали, те кто выжил. Выбрался, отполз, пришел в сознание. Жива его ноша, кашляет, значит жив. Снял рацию и снова потерял сознание. Женю он сам не видел, очнулся уже в гарнизонном госпитале, да и то ненадолго.

Откуда-то узнал, что ее выбросило на пенек от сколотого дерева и прямо на щепу, так и проткнуло насквозь. И, что хоронили ее на территории части, мать приезжала, но на похороны опоздала, из далека. Наверное, кто-то из друзей приходил в госпиталь, еще до отправки в Ленинград, и рассказывал, но он этого не помнил.

Но помнил, что сквозь забытие слышал тихий разговор медсестер, которые по очереди менялись в его палате:

- Не выживет;
- Может и выживет, а ноги отнимут;
- Может в Ленинграде спасут хоть одну;
- Может и спасут, да все равно не жилец, полгода и все. Сам так сказал. Легкие разорваны;
- Ведь молодой совсем;

И снова тишина и снова тот вертолет, распахивается дверь, и все по кругу.

И вдруг голос матери, как тогда в детстве: – Змей этот не сам по себе, им всегда кто-то управляет, колдун или ведьма.

И еще какой-то мужской голос, незнакомый, грубый, хриплый:

– Ты о чем просишь то, понимаешь? Ведь сама судьбу ему выбираешь. Он то третий сын выживет, а его третий сын всю жизни будет – и дальше все расплылось.

И снова голос матери:

– Все знаю и без твоего. Только спаси его. Не дай умереть.

И снова мужской голос:

– Пусть так и будет. Твой третий сын выживет, вымолила ты его. Но его третий сын у меня посох примет и станет навеки...– и снова туман и неразборчивые голоса. И снова вертолет, распахивается дверь, и все по кругу.

Через неделю после того сна Володя пришел в сознание. Три месяца прошло с момента катастрофы. Был он слаб, но быстро поправлялся. Доктора, которые все это время решали ампутировать ему ноги или пусть с ногами помрет, собирали один консилиум за другим и друг перед другом спорили, чье лечение привело к такому результату. До выздоровления еще долго было, еще полгода проведет Володя в госпитале, но поправится окончательно и будет комиссован как раз в то время, когда и должен был быть уволен в запас.

За это время успеет и Ленинград посмотреть, выходя иногда в город по разрешению главного врача в увольнении. Ленинград был прекрасен, а для молодого человека, который дальше районного центра, в котором учился на электрика, и не выезжал, особенно. Всю жизнь потом вспоминать будет он этот город, хоть больше и не увидит его никогда.

Раньше армия вообще была хорошим шансом посмотреть страну. С юга отправляли на север, с севера на юг. И страну посмотришь и друзей заведешь. А дружба армейская самая крепкая. Там сразу видно, кто что стоит. Служили уже по два год, а на флоте по три. И служить было почетно. В деревне даже говорили – не служил, не мужик. И девки с тобой не гуляли – как с ущербным каким, если в армию тебя не взяли. Зато после армии – герой. И все дороги тебе открыты. Только дорог в деревне не много – колхоз только. Но Володя рвался обратно. Ему хотелось в свою деревню, в свой лес, на охоту. Как часто перед армией они с Колькой уходили на охоту на два дня, а то и на неделю.

Морячок

В общем дождался он своего срока и напрямик в деревню. Его предлагали комиссовать по болезни, но для этого еще месяц нужно было полежать в госпитале, комиссию пройти и еще что-то. Но он отказался, налегая уже. Два дня от Ленинграда через Москву и дома. В поезде с дембелями встретились, познакомились, в общем доехал быстро и весело. А только вышел из поезда на своей станции, еще хмельной, так и узнал, что за два дня до этого, приехал ночным поездом какой-то моряк, то же отслуживший. И ночью с поезда так и сошел. Станция то маленькая, а хулиганья много, зоны вокруг. Потом узнали, что и проводница уговаривала его до следующей большой станции доехать, там до утра подождать, а потом уже и домой ехать. Да куда там, матрос не боится ничего. Так и вышел. Что там было никто не узнал, но утром пастух местный нашел моряка висящем на столбе, на оборванном проводе. Лицо его было все в кровавых подтеках, форма в пыли и порвана. Врач, который проводил вскрытие сказал потом, что повесили уже мертвого, забили его до смерти.

Ни имя, ни фамилии на станции никто не знал, сказали только, что деревенский. Сердце защемило. Но мало ли солдат да матросов сейчас возвращается. Да и район большой. Так уговаривая себя, Володя добирался до своего дома. Добираться было часа два, это только до райцентра и оттуда еще часа полтора, если пешком. А повезет машину поймать, так быстрее. До райцентра добрался быстро, вначале на попутке с молоковозом, а потом председатель с соседнего колхоза на мотоцикле подобрал. Он и рассказал, что морячок этот повешенный его друг Колька и есть, и что завтра утром похороны. Что мать его уж сильно убивается, как не в уме стала.

– Колькин отец год как помер. Хоть и был безногий после войны, а вон сколько прожил. Колька приезжал в отпуск на девять дней, после смерти отца. И мать его сильно ждала, да вот

не доехал он до дома. Она и помешалась. Как тело отдали, сразу в дом его забрала, а как в гроб уложили, так рядом села обняла и не отходит. Не плачет даже уже, только вздрагивает. Как завтра хоронить будут? Беды бы не было.

Довез он его почти до деревни, высадил на развилке в поле и поехал в свой колхоз. До родной деревни оставалось всего то километров семь. Сколько раз Володя, пешком возвращаясь из училища на выходные ждал, когда появится эта развилка, значит полпути прошел, немного осталось. И день был хороший, уже по-настоящему летний и теплый. И дом рядом. Но на душе горе.

Он вдруг понял, что все еще стоит на развилке и не сделал ни шагу. Мотоцикл уже скрылся и даже пыль от полевой дороги осела, а он все думал. – К Кольке или домой?

Колькина семья переехала не за долго до того, как он ушёл в армию в соседнюю деревню. Свой старый домик продали колхозу, а в соседнем колхозе им дали хоть и такой же старенький, но бесплатно. А на деньги, коровку купили, нельзя без коровы. Уж очень хороший скорняк был Колькин отец. Да и Колька из армии бы пришел в новую деревню, а в поле рабочие руки всегда нужны были. Да вот не пришел. И отец умер.

Так куда? К Кольке ближе. Но что я там. Да и Мать его меня увидит, с ума сойдет. Нет домой, а завтра на похороны приду – так решил, так и сделал.

Твердо повернул он в свою деревню и через час с небольшим был уже дома.

Дома была только Галя. Обрадовалась и тут же заплакала, рассказала про Колю и все слухи про то, как его зверски убивали. И вот, что странно, убийц так и не нашли, а все знали все подробности убийства. Так обычно в деревнях и бывает.

Мать куда-то ушла, отец уехал в город. Лешка председательствует, а Сашка в поле, на тракториста отучился, домой только спать приходит, а может и в поле заночевать. Но уже скоро должен отец воротиться, время то уже к девяти, а к одиннадцати и старшие придут. Так и вышло. Только вперед пришла мать. Обняла и поцеловала сына, осмотрела, еще раз обняла и стала собирать на стол. Она еще постарела, волосы уже были полностью седые, и морщины покрыли все лицо. Галька тоже забегала, то в погреб, то на двор. По деревне уже слух прошел, что Володя вернулся из армии. Вернулся отец, а следом и Лешка приехал на мотоцикле. Скоро и Сашка прибежал. Кто-то из соседей тоже пришел. Сели, выпили. Не праздник, хоть и вернулся. В другой день бы вся деревня гуляла, а сейчас все понимали – не праздник. Много пили и курили, но говорили очень мало. Легли уже за полночь.

На могиле

В деревне всегда вставали рано, еще до первых петухов, скотины много. Но после армии будить солдата не положено. Так и проспал Володя аж до семи часов. Проснулся от запаха хлеба, который уже был испечен и стоял на столе, а дома уже никого не было. Быстро одевшись, он вышел на двор, умылся у старого рукомойника, побрился и закурил. В голове звенело, не то от дороги, не то от самогона. Покурил, зашел в избу, выпил молока, отломил хлеба, не лезет еда в рот.

Достал из шкафа свою старую одежду. Солдаты в деревни после армии еще долго ходили в форме, но он собирался на похороны, и форма могла еще больше расстроить Колину мать. Так он думал, наверное.

К дому подъехал мотоцикл, хлопнули ворота, потом входная дверь и вошел Лешка. Володя только сейчас разглядел, что он уже начал лысеть, а ему еще и 30 лет. Он так же аккуратно зачесывал волосы назад, хотя это уже и не было модно. Смуглое мускулистое лицо уже было в морщинах. Глаза были строгие и требовательные – председатель.

– Одевайся, довезу. В 10 хоронить будут.

– Я уже оделся.

– А что не в форме, хотя, наверное, правильно. Поехали.

Володя, выходя следом за Лешкой заметил, что тот все еще в солдатских галифе, в которых пришел из армии, а прошло уже пять лет. Вот она мода тогдашняя.

Доехали быстро, полевыми дорогами, да еще знающий человек, быстро довезет. Поехали напрямик на кладбище, на прощание к дому уже опоздали. Хоронили рано, когда председатель машину дал гроб отвезти, тогда и время хоронить. А сейчас лето, все машины на перечет.

Народу на кладбище было не много, человек пятнадцать. Друзья Колькины кто еще в армии, а кто уже в город уехал. Да и лето опять же. Но больше всего – страх. Мать обезумела. Как бы беды не было.

Воронье каркало не стихая, кружило тучей над кронами кладбищенских деревьев.

Могила была вырыта с краю, рядом с могилой отца, уже немного поросшей травой. Земля была сухая, рыжая и постоянно осыпалась. Странно, везде чернозем, а на кладбище глина. Закрытый гроб стоял на двух табуретках рядом с могилой, а рядом с гробом сидела мать Коли. Вся в черном, она согнулась над гробом, как бы легла на него, там, где у Коли были ноги, протянула вперед руки и даже не шевелилась. Гроб уже нужно было опускать, но никто не решался к ней подойти.

Из-под ее черного платка выбилась седая прядь, совсем седая, а ведь когда уходили в армию ее волосы были черные как сажа, вспомнилось Володе. Как она рыдала, когда Коля запрыгнул в кузов грузовика вместе с другими призывниками, которых забирали вместе с ним.

Вдруг рядом с Колиной матерью появилась их собственная мать. Володя с Лешей переглянулись и даже хотели подойти, но и с места не сдвинулись напоровшись на ее взгляд.

Наталья подняла бедную женщину, прислонила к своему плечу, что-то шептала ей. И за ее спиной махнула могильщикам – трем забулдыгам в грязных телогрейках и с пропитыми лицами, чтобы опускали. Те курили неподалеку и что-то обсуждали, жестикулируя и ругаясь.

Забулдыги привычными движениями подошли к гробу и начали забивать гвоздями крышку гроба. Бедная старуха завывала на плече. Дикий крик и вопли разлетелись по кладбищу и подняли стаи ворон с деревьев, и кустов, которыми заросло все старое кладбище.

Она выла и кричала в голос, плакала и причитала, но не поворачивалась к гробу пока тот не опустили в могилу. Мать что-то ей все говорила, повернула, подвела к могиле взяла горсть земли, и первая бросила в могилу. Земля упала громко на обитую красной тканью крышку гроба. Старуха повторила за ней и тоже бросила горсть земли и осела на колени у края могилы. Володя с Лешей тоже бросили по горсти земли. Володя почему-то боялся смотреть на мать своего друга. Хотя она всегда была доброй и гостеприимной и любила друзей своего сына. Но Володе сейчас было тяжело даже смотреть на нее. И ужасно страшно, что она посмотрит на него. Но она не посмотрела, даже голову не подняла. И даже бы если посмотрела, то и не узнала бы наверное.

Мать махнула забулдыгам, закапывайте. И те привычно замахали лопатами. Через десять минут на этом месте уже был могильный холмик, аккуратно прихлопанный лопатами, с ровными краями. А забулдыги аккуратно ставили деревянный крест с двумя поперечинами, на котором уже была прибита фотография Коли в морской форме, в бескозырке. Володе показалось, что Коля смотрит на него с фотографии, он даже сделал шаг в сторону, но фотография продолжала смотреть на него.

И тут старуха снова запричитала, закричала и завывала. Мурашки пробежали по телу всех присутствующих, волоски на руках поднялись дыбом, холодный пот проступил.

– Да на кого же ты меня покинул, вернись, приди, да не бросай меня одну одинешеньку. Ждала тебя три годика, и отец не дождался, и ты не вернулся. Хоть бы еще разок увидеть тебя. Лежишь и не поговоришь со мной.

Мать, которая стояла рядом со старухой обхватила ее и зашипела:

– Что ты говоришь, не вернешь ведь его, а сама погибнешь и всех погубишь;

- Уйди ведьма, уйди. Ты своего вымолила, на чью жизнь поменяла? Не на Колину ли?
- С ума ты сошла старая, что мелишь?

– Уйди ведьма. Приди, вернись Коля, – стоны становились все слабее, она упала на свежую могилу, обняла ее, как до этого гроб и замерла.

Холодный ветер пронесся над головами стоявших у могилы людей. Воронье взлетело с насиженных ветвей и полетело прочь от своих гнезд, как будто спасаясь от чего-то невидимого. Стало холодно и мрачно.

Матери уже рядом не было, она ушла так же незаметно, как и появилась.

Володя с Лешей шли уже к мотоциклу, подавленные, разбитые, не понимающие, что произошло. Почему их мать ведьма и кого она вымолила.

Подойдя к мотоциклу Лешка открыл боковую дверку, старенького ИЖа, там, где обычно берут инструменты, достал два стакана, грамм по сто и бутылку водки из своей сумки, которая все время висела на плече. Поставил стаканы на сиденье мотоцикла, разлил водку:

- Выпьем, помянем;
- Молча выпили, и Лешка сразу разлил по второму стакану.
- Лень, а как правильно, земля ему пухом, или царствие небесное?
- Ему уже все равно. Пей;

Выпили. Ленька достал из сумки пару вареных яиц, хлеб и соль в спичечном коробке, видимо с собой на обед брал. Закусили, снова выпили и закурили.

- Уезжать Вовка отсюда нужно, не будет здесь жизни;
- Куда уезжать, кто отпустит из колхоза. Да и хозяйство, ты председатель, тебе-то что уезжать?

– Вот пока я председатель, и нужно. Я с отцом уже обговорил, я их отпущу, они обживутся, потом вы с Сашкой, а потом и я. Документы всем сделаю.

- Так женился ведь, жена то поедет, да и Сашка женится собирается.
- В город то, все поедут, а отсюда и подавно.

Допили. В животе стало тепло, в голове туман. Лешка довез брата до ворот, а сам собрался на работу. Лето, дел невпроворот.

- Не замужем она, сходи как проспишься, говорила тебя ждет.
- А как узнала, что я в госпитале по частям лежу, так и писать перестала.
- Отец ее запретил. Говорит, вернется калека, что делать будешь? Сходи, не калека ведь.

Врачи то, что говорят?

– Да что они говорят. Они меня еще в госпитале схоронили, а я выжил. Потом сказали полгода – а я живой. Когда выписывали, сказали каждый год обследования проходить, да я не пойду к ним больше.

- Ну, как знаешь. А может и правильно. Одному переезжать сподручнее.

Ленька, а его теперь так все называли, все-таки председатель, уехал, а Володька зашел в дом, лег на старый Галькин сундук и уснул.

Снова все закружилось, вертолет, Женю выкидывает наружу, падение, врачи и голос... Тот голос, который ему приснился вместе с голосом матери, но на этот раз он говорил непонятные слова, на непонятном языке, и снова голос матери и они вместе повторяют эти слова и огонь, вертолет горит... Нет это не вертолет, это огонь, злой огонь, яростный, но что это горит? Не разобрать.

Мама, я вернулся.

Старуху, мать Коли, с кладбища привели домой. На небольшие поминки после кладбища осталось человек пять. Из них двое забулдыг, да пара бабок, которые завсегда на поминки придут. Да еще священник местный, старичок. Он то и довел старуху до дома, выпил за помин

души, да и ушел, перекрестив ее на прощание. Она как села у окна в передней избе, так и с места не сходила. Не плакала больше и не причитала, только в окно смотрела и молчала.

Водка закончилась быстро и забуддыги, поняв, что больше не дадут, а у хозяйки просить постеснялись, пошли по деревне стаканы искать. Бабки, тоже поев и выпив, да с собой захватив, что на столе оставалось, вскоре ушли. А старуха сидела и не сходила с места, она смотрела в окно, которое выходило на дорогу. Сколько раз она за последний месяц вот так смотрела на улицу, может вернется Коля, станет вот так перед окнами, и будет ждать, когда же мать увидит. Но уж теперь не вернется. Теперь точно не придет. Да и что ей теперь делать? Одна осталась. Вспомнился муж, как с фронта вернулся и неделю на станции жил, боялся без ног домой воротится. Как ей бабы рассказали, как пьет он на станции и спит на вокзале на полу, шинелью укрывшись. Как она пешком ушла на станцию и как рыдала, увидя его заросшего и грязного. Как домой его вернула, и жили потом душа в душу, и Коля родился. А теперь все, не будет больше счастья в ее бабской жизни. Он ведь и тот безногий муж ее, когда умирал, говорил, живи и радуйся, Кольку дождись, внуков дождись. А чему теперь радоваться, кого ждать, для кого жить? Убили всю ее радость, сыночка ее убили.

А Коля то, какой веселый всегда был, хоть и беспокойный. Все хулиганил. И жаловались то на него постоянно, то сарай с мальчишками сожгли, а то щенка на пасеку оттащили, того пчелы зажрали, а потом соседка прибежала, жаловалась. А как самих то не закусали пчелы то, было то им тогда по пять лет. А с Володькой то почудили. А где он Володька то, тоже должен уже прийти с армии, а может и пришел уже. Да нет, не пришел. Если бы пришел, то сегодня бы то же был. А может и был, да я старая не видела? Так мать же его была, да я-то ее ведьмой обозвала, обидела. Ой, дура я, дура. А Коля то, мой Коля, да как же я теперь. Причитала она про себя, потом на шепот перешла и все в окно смотрела. Темнело уже. Коров прогнали с пастбища, пестрая ревушая река протащила под окнами. Большое стадо, коровы, потом овцы, и все то знают куда идти, по своим дворам расходятся. А хозяйки кричат их громко, звучно. А у нас пусто на дворе. Одной то мне не нужно было, да и тяжело. Как отец умер, так и продала коровку. Вот думала, Коля придет, новую коровку купим, поросят заведем.

Солнце садилось, деревня затихала. Кое-где в окнах появился свет. Старуха задремала, глядя в окно. Слезы уже не лились из ее впалых глаз. Снился ей муж, еще до фронта, на ногах, высокий стройный. И Коля маленький, лет пяти. Они играют в старом их доме, и он подбрасывает сына вверх и радуется, и Коля тоже смеется и радуется. И вдруг все замирает. И Коля уже взрослый в морской форме, красивый, блестящие ботинки, черные брюки, отглаженный гюйс на белой галанке, черные ленты на белой бескозырке, так он приходил в отпуск. Он стоит под окном, у палисадника, он смотрит на нее и тихо говорит: – Мама, я вернулся.

Ее бросает в холод, мурашки пробегают по всему телу, она очнулась. Отскочила от окна, замерла от страха. Уже темно. На улице лают собаки, вдалеке на столбе горит одинокий фонарь. А в ушах звенит его голос – «Мама, я вернулся». Страшно, очень страшно, она снова подходит к тому месту, где только что дремала, смотрит в окно и видит его под окнами, в форме, в бескозырке. Он стоит молча, смотрит на нее не отрывая глаз, а в голове звучит: – «Мама, я вернулся».

Может ей все приснилось, может она не хоронила его и это только был страшный сон, а он вот ведь он стоит и ждет, когда материнское сердце почувствует и выглянет в окно и увидит его.

Нет, я ведь не спала, его сегодня схоронили, ведь вон еще стол с поминок не убрали, и скамейки из досок. И фотокарточка его с черной ленточкой и стаканчик с водкой и хлебом на нем, на трюмо, и зеркала завешаны тряпками.

Но ведь и он тут, вот он пять шагов от дома. Стоит, руки протягивает. Почему он не идет. Это не он, это не он. Она предупреждала меня. Это не он.

Животный страх – это когда даже дышать трудно, когда все нервы звенят. Думать нельзя, говорить не получится, не крикнуть, не пошевелится. Слезы брызнули из глаз. Она стукнула

рукой в раму, рама распахнулась. Старуха тряслась от страха, но смотрела на сына. Он улыбался своей озорной улыбкой. Он увидел маму, он ее так долго не видел, а теперь увидел. Но почему он не идет к ней. Почему стоит под ветлой и не идет к ней. Навзрыд, безумным от страха голосом, задыхаясь и запинаясь она выговорила:

– Сынок, иди в дом, я так тебя жду, иди родненький;

Мгновение и он уже в доме, он смотрит на нее. Как он так быстро зашел? Страх, безумный страх и огонь, огонь и страх. И это уже не он, он извивается. Огонь и страх, темнота.

– Пожар, пожар!

Крики разнеслись быстро по деревне. Все знали, какой дом горит, тушить не пытались. Соседние дома тоже уже полыхали. На доме старухи уже не было крыши, он сгорел и обрушился моментально. По два соседних дома, в обе стороны от дома старухи, уже тоже были в огне, загорались и соседние от них дома. Между ними как будто что-то мелькало, огромное, но почти не видимое, быстро перелетая от дома к дому, какая-то тень или ветер, перенос огонь с дома на дом. Вдруг тень скользнула на другую сторону улицы и там тоже запылал дом, сразу со всех сторон, а потом и два соседних. И еще, и еще.

Те, кто успевали выскочить из домов, не пытались их тушить, они хватали детей и бежали прочь, как можно дальше. У одного из домов показалась фигура мужика, он остановился и обернулся на еще нетронутый огнем свой дом. И в этот момент тень скользнула к мужику и тот вспыхнул как свечка и осел. Крик был короткий и сразу же затих, следом вспыхнул и его дом. Крики детей и баб заглушались треском горевших изб. Мужики бежали молча, волоча за собой детей и подгоняя жен. Про скотину и подумать не успели.

На дороге, которая проходила по центру широкой улицы появилась фигура. Черты разобрать было невозможно, хоть пожар и освещал дорогу с двух сторон. Горело уже не меньше пятнадцати домов. Фигура поравнялась с тенью, подняла руки, раздался голос, слов не понять, но голос его было слышно везде. Тень рвалась то к фигуре, то от нее, потом по улице, зажигая новые и новые дома, потом снова к фигуре и на другую сторону улицы. А голос продолжал звучать, громче и четче, но не единого слова нельзя было разобрать. Тень металась все быстрее, уже горело дворов по двадцать с каждой стороны улицы. Крики и треск горевших домов превратились в единый звук, в гул, и голос, голос над всем этим звучал все громче. Вдруг появился второй голос сильнее первого, он шел с другой стороны улицы, он был громче и звонче первого. Тень стала затихать, она зажгла еще два три дома и взвила вверх, потом резко вниз и пропала прямо перед землей. Оба голоса стихли. Фигура стала удаляться обратно в темноту, откуда и появилась. Пожар стихал быстро. Мужики вернулись к домам и начали тушить, то, что еще можно было отстоять у пожара. Плачь, страх и огонь. Все свелось в одно.

В эту ночь сгорело почти пятьдесят дворов в этой деревне, это было почти половина. Погибло семьдесят человек. Сгорели вместе с домами, целыми семьями. Сгоревшие дома никто не восстанавливал, да и не тронутые дома быстро опустели, народ разъехался по соседним селам, и дома свои перевез. Лет через пять от деревни и следа не осталось. Все хотели побыстрее забыть, что случилось в эту ночь.

И как это часто бывает в деревнях, когда все стараются забыть, быстро забывают. Точнее все всё помнят, но молчат об этом, а значит забыли. Теперь только если старики вспомнят, что была такая деревня, да может уже и показать не смогут, где.

А Володя спал пьяным сном и не слышал, как мать его вернулась ночью, без сил упала во дворе. Как отец на руках донес ее до кровати и укладывал в постель и снова уговаривал уехать. Как она сказала, что следующий раз уже не справится. Но на вопрос об отъезде так и не ответила. Заснула и проболела потом три недели, и постарела еще лет на десять.

Глава 3

Обещанный

Лет пять не повторялись такие пожары. Все шло размеренно, по-деревенски.

Все трое сыновей женились, появились дети. Галька тоже выскочила замуж и уехала вообще в город.

У Володи старшему уже шел пятый год и еще одного ребенка ждали. Жили они с женой в соседнем селе, в километрах восьми от родного дома. Дом от колхоза дали. Володя работал электриком, по тем временам, первый человек. Да и руки из нужного места росли, всегда помочь мог. Хозяйство было, и корова, и овцы, два мотоцикла, тоже не последняя вещь в то время. Мотоцикл он купил – хлам. Сам собрал и до ума довел. Но чем ближе было рождение второго ребенка, тем чаще он брал свое ружье и уходил в лес. Впрочем, не на долго, максимум на сутки. И всегда с добычей возвращался. Зверья в этих краях всегда много было, да и сейчас не мало.

Друг у него новый появился, тоже Колька. И хоть и был он лет на десять старше, но сдружились крепко. Все вместе и косить, и пахать. А вот в лес один ходил, полюбил тишину, подумать можно.

Ну да опустим жизнь деревенскую, хоть и есть о чем рассказать. Ближе к нашему рассказу.

Весной в деревне стало известно, что Володька с Валентиной, так звали жену его, второго ждут. И тут неожиданно мать с отцом приехали. Долго не приезжали, да и были то до этого пару раз. А тут прямо посреди недели приехали. Мать была строга и не разговорчива, а отец, так и вообще, за все время и двух слов не сказал.

Сели за стол.

– Мальчик у вас будет, третий. Третий сын третьего сына строго начала свекровь.

– Так откуда вы знаете, что мальчик то? – у Валентины задрожал голос.

– Мальчик. – отрезала мать. – Первого схоронили мальчика, и пяти минут не прожил. Второй вон бегаёт. А третий ему обещанный. – и она показала рукой в сторону дороги.

– Когда родится, три года будет в защите моей, а потом уезжайте от сюда, чем дальше, тем лучше. Уже не смогу защитить. Старик должен будет ему проклятье свое на третий год передать, а если не предаст, так с ним и помрет. Даст бог. Но до того и бабки местные могут навредить мальчонке, что бы он беды не принес. Внимательней будьте, одного не оставляйте. Рожать в город вези, бабок не зови.

– Да кто-же его обещал то, сына моего, за что же это? – уже завопила Валентина.

– Я обещала. Вон за него и обещала, – коротко отрезала мать, встала и оба вышли.

Телега с грохотом отъехала от двора, рыжий конь, вздыбившись вытащил ее на насыпь дороги и, поднимая пыль, потащил знакомой дорогой домой.

Сидели молча, долго. Друг на друга не смотрели.

Володя вспомнил свой сон, который ему часто снился в госпитале, а потом и дома. И два голоса во сне.

– Не отдам. Пусть старик сдохнет, не отдам. – Валентина кричала куда-то в окно.

– Молчи. Уедем. И все про это.

А как уедешь. В то время у колхозников и паспортов то не было. А куда ты без паспорта уедешь? Одно дело, когда в колхозе у брата, тот бы отпустил. А теперь то как? Нужно с председателем сойтись да переговорить. Да как с ним сойдешься? Он и своих, и чужих не жалеет. А электрика из колхоза и подавно не отпустит.

Так и ходил он по лесу, о своем думал. На ногах и думалось легче, да и лес он любил. Да только вот осень уже, рожать скоро, а не придумал ничего. Была, конечно, еще надежда, что не мальчик. Но почему-то в этом и не сомневался никто.

В один из таких вечеров в лесу, когда уже стемнело, и Володя сидел у костра и пил чай с травами после ужина, вдруг потянуло гарью. Ветер шел с села. Володя быстро поднялся, собрался, залил костер и бросился бегом, через ночной лес, в сторону дома. Ветки царапались, хватали за плащ, и били по лицу. И чем ближе он приближался к опушке леса, тем сильнее чувствовался запах гари. Уже и по небу поползли облака дыма. И вот просвет, опушка. Он выбежал на край поля и увидел зарево над селом. Он был далеко, но точно мог сказать, что с другого конца села полыхала целая улица. А может и две. Бросился бежать к своему дому, в противоположную сторону от пожара. Уже по дороге вспомнил, сегодня хоронили мальчонку десяти лет, утонул накануне в пруду. Домой, нужно быстрее домой. А до дома было километров восемь, а может и больше.

Старик

Огонь полыхал. Треск и крики разносились на километры в поля, дым застилал небо. Тяжелый запах гари окутал деревню. Огонь шел в глубь, с окраины сжирая все больше и больше. Дома, деревянные и высохшие от времени сгорали мгновенно. Да их и не тушили. Бросали все, даже скотину не пытались спасти, хватали детей и бежали в глубь деревни, подальше от огня, в темноту, но подальше от огня. Туда, где еще могло быть спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.